

Революция как сон разума*

Владимир Кантор

Доктор философских наук, ординарный профессор,
заведующий Международной лабораторией исследований
русско-европейского интеллектуального диалога
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: vlkantor@mail.ru

В эссе поднимается одна из острейших проблем человеческого общества — поведение людей в периоды резких социальных потрясений, таких как бунты и революции. Можно увидеть, как в эти эпохи исчезает из общества разум, как он засыпает, как сон рождает чудовищ, которые требуют вожака. А вожак сообщает толпе, что все позволено, обещая сначала «золотой сон», а затем «золотой век». Гуссерль видел первопричину европейского кризиса в закате разума. Революционный 1917 год в России, начиная с Февральской катастрофы, поражает оцепенелостью сторонников власти, они словно заморожены неведомой силой. Наступил «оцепенелый покой» (Хайдеггер). Исчезает личность, исчезает разум, является масса. После отречения императора, жившие «узкой действительностью настоящего» (Шопенгауэр), потерявшие способность рассуждать и оценивать последствия событий, элитарные части Русской армии, по наблюдению французского посла, шли присягнуть революционной власти, «названия которой они даже и не знали». Разум уснул не только у власти, но и у ее противников, наступил «великий дурман» (Бунин). Приехавшего в plombированном вагоне через враждебную Германию, названного немецким шпионом, произнесшего слова о необходимости гражданской войны Ленина практически зомбированные массы принимают с восторгом.

Ключевые слова: разум, революция, сон, чудовища, Ленин, император, Октябрьский переворот

Напомню испанскую поговорку «Сон разума рождает чудовищ», которую использовал Гойя для названия одного из своих гениальных офортов в серии «Капричос». Там изображен заснувший у стола мыслитель, над головой которого кружатся летучие мыши, нетопыри и разные бесы, персонифицированные облики зла, или, точнее, воплощенное в их облике Ничто. Гойя сопроводил этот рисунок следующим пояснением: «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений» (Гойя, Дали, 2017: 159). И в самом деле, в момент сна необходима фантазия, которая поможет гению создать нечто замечательное. Но Гойя, похоже, вполне сознательно словно забыл о фантазии, а в каждом из следующих офортов изобразил метафизические ужасы человеческой жизни.

© Кантор В. Л., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-226-241

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Хайдеггер задавал вопрос: «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить к самому Ничто?» И сам отвечал на него: «Это может происходить и действительно происходит — хотя достаточно редко, только на мгновения, — в фундаментальном настроении ужаса» (Хайдеггер, 1993: 20). Это чувство стало определяющим в XX столетии. Не случайно Хайдеггер делает это понятие одним из основных в своей философской системе:

Ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хотя ужас — это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить... Ужасом приоткрывается Ничто. (Хайдеггер, 1993: 21)

Ничто вело смертельную борьбу с людьми, уничтожались целые сословия, города, деревни, промышленность, нации. Лишенные света и разума люди изничтожали носителей разума под разными предлогами. Чтобы в мире угас свет и воцарился древний ужас.

Евангелие говорит о создании мира мыслью, то есть словом. Бог и есть свет и слово, творящее разум. Свет был обращен ко всем людям, *но избранных, принявших свет, было совсем немного*. Начиная с рубежа XIX и XX веков Бог, свет и разум стали не в фаворе по всей Европе. Артур Кёстлер написал в своей автобиографии: «Я родился в тот момент [1905 год. — В. К.], когда над веком разума закатилось солнце» (Koestler, 1952: 9). И вправду — недалеко уже было до большевизма, фашизма и национал-социализма.

Э. Гуссерль именно в закате разума увидел первопричину европейского кризиса:

Чтобы постичь противоестественность современного «кризиса», нужно выработать *понятие Европы как исторической телеологии бесконечной цели разума*; нужно показать, как европейский «мир» был рожден из идеи разума, т. е. из духа философии. Затем «кризис» может быть объяснен как *кажущееся крушение рационализма*. Причина затруднений рациональной культуры заключается, как было сказано, не в сущности самого рационализма, но лишь в его *овнешнении*, в его извращении «натурализмом»... Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума. (Гуссерль, 1986: 115)

Но удар по идее разума был слишком силен, чтобы возрождение Европы состоялось, не пройдя муки ада. Философы Запада, как сетовал Томас Манн, постыдно сдали разум на милость иррационализма. Но милости со стороны иррационализма быть не могло. Любопытна невероятная любовь российской молодежи прежде всего не только к Ницше, но и к Витгенштейну. Хотя, на мой взгляд, его знамени-

тый «Логико-философский трактат» очень напоминает попытку безумца сложить пазл, собрать в ниточку разбегающиеся мысли. Отсюда его отказ от метафизики: «Мир распадается на факты» (Витгенштейн, 2008: 36). Понимаю, что навлекая на себя удары сторонников Витгенштейна. Напомню только мысль знаменитого австрийца Карла Крауса, что Австрия этой эпохи была своего рода лабораторией по производству катастрофы. Недаром в завершении трактата звучат слова: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн, 2008: 218). Я бы не решился на столь резкие инвективы, если бы не поддержка одного из крупнейших ныне специалистов по австрийской философии, увидевшего в идеях Витгенштейна прежде всего терапию: «Философия имеет у Витгенштейна терапевтическую функцию — терапия осуществляется путем составления точной карты языковых значений» (Жеребин, 2011: 345). Терапия, однако, не помогла. Удары по разуму все усиливались.

Революционный 1917 год, начиная с февральской катастрофы, поражает оцепенелостью сторонников власти, они словно заморожены неведомой силой. После отречения императора будто не в своем уме, потерявшие способность рассуждать, элитарные части русской армии, по наблюдению французского посла, пошли присягнуть революционной власти, «названия которой они даже и не знали»¹. После Февраля, когда стало понятно, что Временное правительство не владеет ситуацией, а Советы и большевики очевидно усиливаются, им уже не пытались противостоять. Военные говорили, что достаточно одного полка, чтобы разогнать бунтовщиков. Но воля властей была просто парализована. Их охватил, пользуясь выражением Хайдеггера, «оцепенелый покой». Пример — Верховный главнокомандующий генерал Н. Н. Духонин, который вместо борьбы с большевиками медлит, потом принимает условия Ленина о передаче власти прапорщику Н. В. Крыленко. Незадолго до приезда Крыленко, дабы не пролилась кровь, он отпускает верные ему войска во главе с командирами ударных батальонов, которые вполне могли бы противостоять большевикам, еще не осознавшим всей полноты своей победы. В момент передачи документов он был растерзан матросами, которые потом почти сутки глумились над мертвым телом. В результате и возникло выражение: «отправить в штаб к Духонину», то есть расстрелять.

1. «Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя за Думу... Забыв присягу в верности и звание флигель-адъютанта, которое он получил от императора, он пошел сегодня в четыре часа преклониться пред властью народа. Видели, как он в своей форме капитана 1-го ранга, отвел в Таврический дворец гвардейские экипажи, коих шефом он состоит, и представил их в распоряжение мятежной власти... Старый Потемкинский дворец послужил рамой другой не менее грустной картины. Группа офицеров и солдат, присланных гарнизоном Царского Села, пришла заявить о своем переходе на сторону революции... Шли казаки свиты, великолепные всадники, цвет казачества, надменный и привилегированный отбор императорской Гвардии. Затем прошел полк его величества, священный легион, формируемый путем отбора из всех гвардейских частей и специально назначенный для охраны особ царя и царицы. Затем прошел еще железнодорожный полк его величества, которому вверено сопровождение императорских поездов и охрана царя и царицы в пути. Шествие замыкалось императорской дворцовой полицией» (Палеолог, 1923: 142).

Это было своего рода оцепенение ума, разум сменился безумием, как структурообразующей линией в развитии истории. Ведь основное отличие разума человека от, скажем, ума животного, это умение видеть ситуацию во времени и в пространстве.

Стоит обратить внимание, что, не принимая безумие Ницше, Лев Толстой любил Артура Шопенгауэра (кстати, переведенного его другом поэтом Фетом). Шопенгауэра школьная история философии называет иррационалистом, противником разума, учителем Ницше. Но подобные коннотации всегда казались мне спорными. Напомню фразу Сенеки, которую повторял Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости». «Ничто в такой мере не избавляет нас от внешнего принуждения, как самопринуждение, это выражено в изречении Сенеки: „если хочешь все себе покорить, покори себя разуму“» (Письмо 37, Шопенгауэр, 1992б: 310). Но и Толстой цитировал ее в собранных им изречениях мудрецов. Более того, он определял свой путь как движение к вере через разум.

Шопенгауэр именно наличием разума отделял человека от животного:

Точно так же отсутствие разума ограничивает животных непосредственно имеющимися у них в данный момент наглядными представлениями, т. е. реальными объектами; мы же, наоборот, в силу познания *in abstracto*, кроме узкой действительности настоящего охватываем еще и все прошлое и будущее вместе с широкой областью возможного: мы свободно обозреваем жизнь по всем направлениям, выходя далеко за пределы настоящего и действительно. (Шопенгауэр, 1992а: 120–121)

Но Толстой видел, что мир меняется буквально на ходу. И именно это умение выйти за пределы настоящего вдруг исчезло.

У людей, одаренных чувством истории, возникло ощущение разверзшейся бездны, «срыв в преисподнюю небытия» (Степун, 2000а: 248). А преисподняя — это то место, где угасает божественный свет разума. Навсегда или нет — трудно судить. Но большинство творцов Русской революции, потеряв свет разума, как слепые в картине Брейгеля, шли к пропасти. Приведу слова великого русского философа Семена Франка:

Настала пора безумия, в течение которой охватившее всех на несколько дней настроение радости и надежд сразу же стало отравляться жутким ощущением надвинувшейся анархии; чернь, расхватывавшая разбросанное по городу оружие, солдаты, нагло разгуливавшие с сознанием совершенного ими «геройства» революции, освободившего их и от страха наказания, и от обязанности служебной дисциплины, страшные вести о зверских убийствах в Финляндии матросами офицеров — все это создавало неотразимое впечатление, что Россия катится в бездну. (Франк, 2001: 481)

Животное, по словам Шопенгауэра, не может сойти с ума, поскольку не имеет разума. А у людей разум мог заснуть.

Потеря света и нравственности ведет к суициду, ибо утерян критерий здоровой жизни. Революция, по сути дела, предполагает массовый суицид, ибо безумие стало массовым. XX век не раз определялся как век массового безумия, коллективного психоза. Словно исполнились мрачные предчувствия Достоевского: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселившиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими» (Достоевский, 1973: 419–420).

Для толпы гений — сумасшедший, безумец, все пророки — безумны. Но пророк — это посланец Божий, посланный Высшим Светом. А вот толпа боится света. И нападает на разум, носителю разума в этом мире — всегда горе («горе от ума», как написал русский поэт). Как получилось так, что безумной стала масса? Но, задумаясь: может, так было всегда? «Святая простота», подкидывавшая дровишек в костер, на котором сжигали мудреца, существовала давно, просто этой «святой простоты» стало слишком много. Толпа легко теряет свет, разум ее засыпает. Наступает тьма разума. А мир и без того, как сказал апостол, во тьме лежит. Тьма порождает безумный страх. Свет, конечно, по словам Евангелия, и во тьме светит, и тьма не объяла его. Но этот свет не более чем надежда.

В 1895 году Максим Горький написал «Песню о Соколе». Там звучали страшные и бессмысленные слова: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячее, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!» (Горький, 2014: 293). Горький тогда буквально заразил своей энергетикой читающую Россию. Хотя слышались сравнительно трезвые голоса, но принадлежали они тем критикам, которых называли реакционерами. Резко написал об этих текстах друг Чехова критик Михаил Меньшиков, расстрелянный большевиками после Революции:

Эта «Песня о Соколе» очень многим нравится, многие из молодежи от нее в восторге. Но мне эта вещь кажется необыкновенно фальшивой и слабой. Не говоря о том, что она плохо написана, кричащими красками, — она насквозь фальшива по нравственному замыслу. Хороша аллегория — лететь к небу, чтобы там подраться, раскровянить и себя, и врага, повыщипывать перья друг у друга, поломать крылья! Прежние поэты небу давали другое употребление. Вспомните: «По небу полуночи ангел летел и тихую песню он пел». Та старая песня была не о Соколе или другой птице, а о «Боге великом...». Маленькая разница! Современный поэт заменяет ангела хищной птицей и поет «безумство храбрых». Но даже и с птичьей точки зрения — в чем же храбрость безумного Сокола? Как известно, соколы нападают не Бог весть на каких страшных врагов — всего лишь на диких уток, гусей, куропаток и т. п. По аллегории г. Горького выходит, что утки и куропатки тиранят соколов, и тем приходится отстаивать свою свободу и «жажду к свету». Забавно это очень. Но публика и молодежь не замечают комических черт «Песни» и бешено аплодируют ей, когда слышат со сцены. Тут, видите ли,

«борьба», а уж если борьба, то все равно для какой цели и какими средствами — от одного звука «борьба» в кое-каких слоях принято приходиться восторг. (Меньшиков, 1997: 450)

Александра Герцена также занимало сумасшествие как способ бытия человечества. Этой теме посвящена одна из лучших его ранних повестей «Доктор Крупов» (1847 г.), где главный персонаж дает свой анализ развития человечества.

История доселе остается непонятною от ошибочной точки зрения. Историки, будучи большею частию не врачами, не знают, на что обращать внимание; они стремятся везде выставить после придуманную разумность и необходимость всех народов и событий; совсем напротив, надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии, надобно взглянуть на исторические лица с точки зрения безумия, на события — с точки зрения нелепости и ненужности. (Герцен, 1955: 264)

В одной из последних повестей «APHORISMATA, сочинение ученика доктора Крупова прозектора Тита Левиафанского» (очевиден намек на Гоббса) Герцен пишет: «Умом и словом человек отличается от всех животных. *И так, как безумие есть творчество ума, так вымысел — творчество слова.* Одно животное пребывает в бедной правдивости своей и в жалком здравом смысле» (Герцен, 1960: 117).

Русские мыслители видели этот катастрофизм безумия, может, и не раньше Запада, но социально точнее. Война с Японией вызвала к жизни у Леонида Андреева образ «красного смеха», вырастающего из безумия и ужаса. И вот еще не началась Первая мировая война, а в 1910 году Лев Толстой уже писал:

Для меня стало очевидно, что большинство человечества, в особенности христианского мира, живет в наше время жизнью прямо противоположной и разуму, и чувству, и самым очевидным выгодам, удобствам всех людей — находится в состоянии, вероятно, временного, но полного сумасшествия, безумия... Казалось бы, ясно, что миллионы людей, т. е. существ, одаренных разумом и нравственным чувством, не могут, не зная зачем и для чего, с готовностью на величайшие лишения всего дорогого людям, идти убивать тех неизвестных им людей, которых велит им убивать какие-то неизвестные им люди, называемые правительством. (Толстой, 1985)

Но идут, в этом ужас жизни массы.

Призывы к трезвости мысли услышаны не были. И безумие стало фактом жизни миллионов. Владимир Соловьев в «Трех разговорах» (1900) предвидел, что XX век станет веком невероятных мировых войн, катаклизмов, революций, и это приведет к появлению антихриста. После двух мировых войн и пяти разрушительных революций (трех русских, итальянской, немецкой) мир, конечно же, изменился. Но эта перемена шла весь XX век. А Камю в «Бунтующем человеке» как-то заметил о русских нигилистах, что малозаметные, они готовили грядущие социальные

катастрофы: «Они стали жертвовать собой во имя чего-то неведомого, о котором было известно лишь одно: необходимо умереть, чтобы оно состоялось» (Камю 1990, 246). Катастрофы, где «правый и виноватый погибнут рядом!» Словно в колбах выращивались эти злые идеи-трихины, а в других колбах готовились бомбы, взрывавшие правопорядок. В стихотворении «Трихины» 1917 года Максимилиан Волошин, вспомнив Достоевского, написал:

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут — мор, голод и война.
(Волошин, 1991: 115)

Наиболее мудрые современники революций XX века поняли безумие как важнейший момент новой истории, упомянув и о трудностях исцеления. В 1939 году П. Б. Струве писал Франку о национал-социализме: «Я с самого начала понял, что со стороны немцев это не есть политика, а чистое безумие, индивидуальное и коллективное. И я, вследствие этого, принял в расчет безумие, так сказать, как важнейший исторический фактор. Исцеление от безумия — дело нелегкое: оно будет стоить многих человеческих жизней и разбитых существований» (Франк, 2001: 532).

Исторические катаклизмы будили безумие, им инициировались, его питали. Японская война, Первая русская революция 1905 года, Первая мировая война, в которую втолкнул начинавшую набирать силы Россию последний царь, — все это будило худшие начала в человеке, усыпляя его разумное отношение к миру. Напомню наблюдение Н. Бердяева:

Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию. Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры. Это тип столь же милитаризованный, как и тип фашистский. (Бердяев, 1991: 230)

Национализм был подкладкой не только войны, но даже большевизма, который воспринимался как русский вариант марксизма. Он и породил Русскую революцию. По словам Владимира Эрн, «время славянофильствовало» (Эрн, 1991: 371), результат этого славянофильского воздействия на жизнь не заставил себя ждать,

приведа к падению Российской империи. На арену истории вышли массы, очень поверхностно христианизированные, уж во всяком случае лишённые света христианского разума, не обладавшие нравственным императивом, данным Христом, может, и не знавшие о нем. Конечно, у массы были вожаки.

В книге «Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution» Степун (Stepun, 1934) как бы продолжал беседу со своим ближайшим другом дрезденских лет, великим теологом Паулем Тиллихом, который в своей работе 1926 года писал о специфике демонических стихий, которые могут вести к творчеству (как в эпоху Возрождения), а могут и к тотальному разрушению (в своем сатанинском обличье). Будучи убежденным рационалистом, Тиллих, тем не менее, как философ понимал, что если существует «рациональное», то по закону диалектики существует и его антиномия — «иррациональное», с которым он боролся. И, как он писал, в эпохи повышенного социально-религиозного брожения «демоническое так сближается с сатанинским, что вся его творческая потенция исчезает» (Tillich, 2008: 142). В книге Степуна о России тема простая — почему там победило демонически-сатанинское начало. Он пишет:

Привычная религиозная позиция была еще во всем ощутима, но все же сильнее было отрицание традиционного содержания. Время было религиозное и антихристианское одновременно, оно было в полном смысле слова демоническим. Из самого себя русское крестьянство эту демонию родить не могло. Но с Достоевского ясно, что замешанные в русскую революцию демоны не чужие и не анонимные силы. (Stepun, 1934: 20)

Как писал, осмысливая XX век, Элиас Канетти: «Масса живет простейшими мифологическими представлениями, простейшими потребностями, которые она желает осуществить (еда, любовь), но становится активной силой, когда попадает в силовое поле смерти... Масса уже готова к бунту, но нужен вождь, человек, который способен сознательно перешагнуть запрет убийства» (Канетти, 1997: 503). О механизмах власти сказано немало. Но, пожалуй, текст Канетти можно сравнить лишь с одной книгой, написанной столь же свободно — и не как роман, и не как научное исследование. Я имею в виду «Государя» Макиавелли. Именно великий итальянец показал, что приход к власти любого государя (или вождя) требует массовых казней, ибо «гораздо надежнее внушать страх, чем любовь» (Макиавелли, 2002: 407).

Но кто может быть таким государем или вождем? Очевидно, прежде всего — реальный уголовный преступник, но не в юридической сегодняшней терминологии, а тот человек, который без колебаний переступает мистическую черту, отделяющую жизнь от смерти. Таким был Чезаре Борджиа, которого приводит в пример Макиавелли. Именно о таком думал Достоевский, когда создавал Петра Верховенского в «Бесах». Прообраз Верховенского Сергей Нечаев воспринимался тогда вполне в духе языческих поверий как олицетворение моровой язвы. Единственное, что отличало Нечаева от вождя массы, заключается в том, что мас-

са была не готова. Как писал Пушкин о «пугачевщине»: окраины волновались, не хватало вождя, он нашелся. Им оказался каторжник Пугачев. Но всего более подходит на роль вожака человек, потерявший свет разума, то есть безумец. Трудно не согласиться с Густавом Лебоном, что чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Рождался страшный мир, и рождался он страшно. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна

великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колену ходить в крови. Главное же надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? ...Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеулышание, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! Соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!». (Бунин, 1997: 132)

Характерно повторявшееся Буниным определение революции — «великий дурман». Иными словами — отсутствие сознания, наркотический сон.

Масса способна действовать без вожака, но недолго и бесцельно. Вспомним Февральскую революцию 1917 года, *когда вожди были в отсутствии*. Правда, умонастроение масс подействовало на правящую элиту и привело к отречению царя. Воцарился хаос. Хаосом воспользовались наиболее безнравственные деятели. Ленин писал, что в период после Февральской революции Россия стала самой свободной страной. На самом деле она стала самой неуправляемой.

О чем же думала власть? Почему она не предприняла никаких решительных действий? Я бы добавил к характеристике охватившего страну безумия понятие — *оцепенелость*. В апреле с броневика произнес речь приехавший в запломбированном вагоне Ленин. Казалось бы, в состоянии войны толпа должна была растерзать возможного немецкого шпиона. Но в ситуации полного безвластия сознание словно оцепенело, никто не понимал, что надо делать. И призыв Ленина к перерастанию буржуазной революции в социалистическую, а мировой войны в войну гражданскую мало кто понял. Словно животные, люди потеряли разум, и, если воспользоваться словами Шопенгауэра, их понимание стало ограничено имеющи-

мися у них в данный момент наглядными представлениями, вообразить возможное будущее они уже не могли. Эта свобода и воля давали возможность безумным захватить власть, пусть их взгляд на мир и был безумным, но он был. А «сон золотой», который обещали безумцы, вызывал воодушевление массы. Послефевральская ситуация в России напоминает рассказ Эдгара По «Система доктора Смоля и профессора Перро». Сюжет прост, но важен для моего изложения. В сумасшедшем доме эти два ученых мужа ввели «систему поблажек», чем воспользовались сумасшедшие, которые захватили власть, заперли врачей и санитаров в подвал и принялись изображать нормальных людей. Приехавший путешественник беседует с изображающим врача сумасшедшим и тот с хитростью безумца пересказывает как некую шутку то, что случилось в этом врачебном заведении. И так длится до того момента, пока один из якобы врачей не начинает свою речь. Он вскакивает на стол (или броневики, если угодно):

Тем временем на главный обеденный стол вскочил, опрокидывая бутылки и стаканы, тот самый господин, которого недавно с таким трудом удалось удержать от этого поступка. Устроившись поудобнее, он начал произносить речь, и она, несомненно, оказалась бы блестящей, если бы только была малейшая возможность ее услышать. В ту же минуту человек, питавший пристрастие к волчкам, принялся с неисчерпаемой энергией кружиться по комнате, вытянув руки под прямым углом к туловищу, так что он, и правда, в точности походил на волчок и сшибал с ног всех, кто попадался ему на пути. А тут еще, услышав бешеное хлопанье пробки и шипение шампанского, я обнаружил в конце концов, что оно исходит от того субъекта, который во время обеда изображал бутылку этого благородного напитка. Затем и человек-лягушка принялся квакать с таким усердием, как будто от каждого издаваемого им звука зависело спасение его души. Вдобавок ко всему, над этой дикой какофонией раздавался неумолкающий рев осла. Что касается моей старой приятельницы мадам Жуаез, то мне было от души жаль бедняжку, до того она была потрясена: она стояла в углу у камина и непрерывно кукарекала во весь голос «Ку-ка-ре-е-е-ку-у-у!»». (По, 1959: 300)

Поразительно, что безумным Ленина называл поначалу лишь Плеханов в связи с «апрельскими тезисами», в тексте которых он увидел парафраз чеховской «Палаты № 6» о сумасшедшем доме. Действительно перевод мировой войны в гражданскую, о которой мечтал и которую осуществил главный большевик, — это почти вампирическое упоение реками крови, которые должны пролиться. Сам Ленин, по воспоминаниям сестры, прочитав повесть Чехова, почувствовал себя запертым в этой палате, выскочил на улицу и долго бегал. Продолжая аналогию с этой темой, можно вообразить безумного доктора, вырвавшегося из палаты № 6 и всю Россию поместившего в эту палату, где сторож Никита жестоко избивал больных. Плеханов писал:

Кто-то из наших товарищей, оспаривавших тезисы Ленина на Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остается недостижимой по непреодолимым объективным условиям. ...Я твердо уверен в том... что в призывах Ленина... к захвату власти и так далее, и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, то есть — *безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле.* (Плеханов, 2017: 113–114)

В античной Греции бог сна Гипнос был сильнее даже владык Олимпа. В дальнейшей истории Европы гипноз стал орудием, побеждающим человека на подсознательном уровне. Томас Манн, не раз говоривший о гипнотической силе тоталитарных режимов, написал в 1929 году гениальную новеллу «Марио и волшебник», где иллюзионист и гипнотизер Чиполло из Италии (страна, где победила первая фашистская революция) дает представление на итальянском курорте в Торре ди Венере, во время которого усыпляет и ломает волю молодого парня, буфетчика Марио, издевается над ним, полагая, что тот абсолютно безволен. Но издевательства пробуждают Марио, он просыпается и убивает гипнотизера. Тайная надежда Томаса Манна состояла в том, что так же проснется Европа. Увы, революция ширилась, захватывая все новые страны. Но и в ситуации безумия оставался инстинкт выживания.

Опираясь на этот инстинкт, временами преодолевая его, к власти и пришли большевики. Как замечал Федор Степун, большевизм — это не большевики, это умонастроение масс, которое большевики сумели использовать. В хаосе разума нет, но Ленин как истинный фюрер этот хаос использовал. Бунин в своем гениальном и страшном рассказе про «окайнные дни» не выделял Ленина из череды привычных для России разбойников, хитровцев и босяков, *он тот самый, кого и ждала эта масса.* Степун замечал:

Как прирожденный вождь, он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом — догматом о торжестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня, кое-как, начерно, исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса. На этом внутреннем понимании зудящего «невтерпез» и окончательного «сокрушай» русской революционной темы он и вырос в ту страшную фигуру, которая в свое время с такой силой надежд и проклятий приковала к себе глаза всего мира. (Степун, 2000а: 342)

Именно Ленин создал в России первые концентрационные лагеря с их чудовищными пытками и убийствами — достаточно почитать книгу русского социалиста Сергея Мельгунова «Красный террор» (Мельгунов, 1990). Цитировать ее невоз-

можно, ибо описанные ужасы превосходят даже ужасы инквизиции. Как писал Евгений Трубецкой: «Россия — страна христианская по вероисповеданию. Но что такое это людоедство, господствующее в ее внутренних отношениях, эта кровавая классовая борьба, возведенная в принцип, это всеобщее человеконенавистничество, как не практическое отрицание самого начала христианского общежития, более того — самой сути религии вообще!» (Трубецкой, 1994: 191–192).

Мережковский справедливо заметил:

Мировая война слишком глубоко вдвинула Россию в Европу, чтобы можно было их разделить. Должно учесть, как следует, безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества. Во всяком случае, безумно надеяться, что зазиявшую под Россией бездну можно окружить загородкою и что бездна эта не втянет в себя и другие народы. Мы — первые, но не последние. (Мережковский, 2001: 22)

Так долго подражавшая Германии Россия после Октября вырвалась вперед и стала своего рода педагогом немецкого национал-социализма. Ленин четко сформулировал новую структуру общества: массы, класс, партия, вождь (Ленин, 1981).

В Германии еще в конце XIX века немецкий философ Вильгельм Виндельбанд обратил внимание на рост числа «узколобых», назвав их дилетантами, людьми, имеющими обо всем поверхностное представление, но рвущимися к руководству миром: «Не будучи в состоянии овладеть внутренними, специфическими элементами культурного содержания этих чуждых областей, современный человек прибегает к поверхностному дилетантизму, который снимает со всего пенку и забывает о внутреннем содержании» (Виндельбанд, 2011: 152–153). Неудачливый художник Адольф Гитлер, обожавший популярную литературу, не только счел себя способным переделать Германию, но пытался уничтожить часть человечества. Хотя он был побежден, однако отравил сознание миллионов людей в разных странах. С того времени и пошло предсказанное еще в начале XX века: «Массы диктуют правительству его поведение» (Лебон, 2016: 115). В Германии горели костры из книг великих немцев, в которых была хоть капля еврейской крови или замечено либеральное умонастроение.

Достоевский задавался вопросом, сможет ли русский человек «черту переступить»? И вот, «переступив черту» христианства, всколыхнулась и пошла гулять по необъятным просторам России российская вольница, российская стихия. Этот процесс закономерно завершился возникновением жесточайшей сталинской диктатуры. Вспомним, что антихрист является как двойник Христа, то есть несущего свет и утешение. И в этой ситуации уже можно говорить о явлении антихриста, рожденного народной стихией, выступавшего от лица народа и его именем уничтожавшего русских интеллектуалов как «врагов народа». Как замечательно было показано у Евгения Шварца, Тень погибает только после гибели Героя-ученого. Уничтожив российских интеллектуалов, народ подписал себе смертный приговор.

Об этом сразу после Революции написал Розанов: «„Мужик-социалист“ или „солдат-социалист“, конечно, не есть более ни „мужик“, ни „солдат“ настоящий. Все как будто „обратились в татар“, „раскрестились“. Самое ужасное, что я скажу и что очевидно, — это исчезновение самого русского народа» (Розанов, 2000: 313).

После Второй мировой войны показалось, что христианство потерпело поражение, что исчезли и другие христианские народы, скажем, немецкий. Великий немец Генрих Бёлль сожалел, что много бы дал, если бы кто позволил ему перестать считать себя немцем. Слишком многое проспала нация философов. Сон разума проспал катастрофу, выпустив наружу чудовищ дилетантизма, чудовищ полубразованности, не понимавших необходимости бодрствования. И хотя Ясперс писал, что «для западного сознания ось истории — Христос» (Ясперс, 1991: 82), но про эту ось надо было помнить, надо было ее восстанавливать, Формулу этой необходимости дал старый друг и оппонент Степуна — Пауль Тиллих. Она прозвучала как «мужество быть», что предполагало ясность и веры и разума, разумной веры, если угодно.

Возможно ли это после всего случившегося?

В «Мужестве быть» Тиллих пишет: «Сила бытия действует через силу индивидуальных Я. Она не поглощает их... Именно поэтому Церковь, которая представляет силу самого-бытия или Бога, который трансцендирует Бога религий, претендует на роль проводника мужества быть» (Тиллих, 2011: 232). И все же остается просвет, о котором написал русский мыслитель Федор Степун:

Как безвыходна была бы история человечества, если бы она почти 2000 лет тому назад не осветилась бы светом христианства. Отменив богооткровенную истину все «только» человеческие мудрствования и навеки победив тишайшею тайною Вифлеемской ночи все титанические замыслы безбожного самоуправства, христианство призвало всех нас, юных и старых, здоровых и больных, богатых талантами и нищих духом к столь великому преображению мира, перед которым распадаются в прах самые смелые мечты о революционном переустройстве человеческой жизни. (Степун, 2000б: 292–293)

Только это требует духовных усилий. После сталинского кошмара Россия родила не одного гения, пытавшегося вытащить свою страну к свету. Как пел великий русский бард Владимир Высоцкий: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, / Мне есть чем оправдаться перед Ним». Избранных всегда было мало. Но именно они несут свет и разум в мир.

Литература

- Алданов М. (1999). Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб.: РХГИ.
- Бердяев Н. А. (1991). Самопознание. М.: Книга.
- Бунин И. А. (1997). Великий дурман. М.: Совершенно секретно.

- Виндельбанд В. (2011). Прелюдии. М.: Гиперборея, Кучково поле.
- Витгенштейн Л. (2008). Логико-философский трактат. М.: Канон.
- Волошин М. (1991). Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда.
- Герцен А. И. (1960). Собрание сочинений. Т. 20(1). М.: АН СССР.
- Гойя, Дали. (2017). Капричос. М.: РИП-Холдинг.
- Горький М. (2014). Песня о Соколе. СПб.: Азбука.
- Гуссерль Э. (1986). Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. № 3. С. 101–116.
- Достоевский Ф. М. (1973). Преступление и наказание. Л.: Наука.
- Жеребин А. И. (2011). Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова.
- Камю А. (1990). Бунтующий человек. М.: Политиздат.
- Канетти Э. (1997). Масса и власть / Пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: Ad Marginem.
- Лебон Г. (2016). Психология народов и масс / Пер. с франц. А. Фридмана и Э. Пименовой. М.: Академический проект.
- Ленин В. И. (1981). Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Политиздат. С. 1–104.
- Макиавелли Н. (2002). Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М.: РОССПЭН.
- Мельгунов С. П. (1990). Красный террор. М.: РИСО.
- Меньшиков М. О. (1997). Красивый цинизм // Зобнин Ю. В. (сост.). Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХГИ. С. 430–460.
- Мережковский Д. С. (2001). Царство Антихриста. СПб.: РХГИ.
- Палеолог М. (1923). Царская Россия накануне революции. М., Петроград: Гос. изд-во.
- Плеханов Г. В. (2017). О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен // Анин Д. (сост.). Революция 1917 года глазами ее руководителей. М.: Центрполиграф. С. 104–114.
- По Э. (1959). Избранное. М.: ГИХЛ.
- Розанов В. В. (1990). Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Сочинения. Т. 2. М.: Правда. С. 421–629.
- Розанов В. В. (2000). Апокалипсис нашего времени. М.: Республика.
- Степун Ф. А. (2000а). Мысли о России // Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН. С. 201–377.
- Степун Ф. А. (2000б). Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя.
- Тиллих П. (2011). Мужество быть. М.: Модерн.
- Толстой Л. Н. (1985). Из дневника Л. Н. Толстого 29 дек. 1900 // Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 22. М.: Художественная литература. С. 109–129.
- Трубецкой Е. Н. (1994). Смысл жизни. М.: Республика.
- Франк С. Л. (2001). Непрочитанное. М.: Московская школа политических исследований.

- Хайдеггер М. (1993). *Время и бытие: статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Библина. М.: Республика.
- Шопенгауэр А. (1992а). *Мир как воля и представление* / Пер. с нем. Перевод Ю. И. Айхенвальда. М.: Московский клуб.
- Шопенгауэр А. (1992б). *Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Избранные произведения*. М.: Просвещение. С. 189–370.
- Эрн В. Ф. (1991). *Сочинения*. М.: Правда.
- Ясперс К. (1991). *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.
- Koestler A. (1952). *Arrow in the Blue: An Autobiography*. N. Y.: Macmillan.
- Stepun F. (1934). *Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution*. Bern: Gotthelf.
- Tillich P. (2008). *Das Dämonische: Ein Beitrag zur Sinndeutung der Geschichte (1926) // Tillich P. Ausgewählte Texte*. Berlin: Walter de Gruyter. S. 139–163.

Revolution as the Sleep of the Mind

Vladimir Kantor

DSc in Philosophy, Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: vlkantor@mail.ru

In this article author raises one of the most acute problems of human society, the problem of people's behavior during periods of sharp social upheavals such as riots and revolutions. In comprehending great social upheavals, one can see how the mind disappears from society in these epochs, how the mind 'falls asleep', and how dreams give birth to monsters. The leader informs the crowd that everything is allowed, promising a golden dream first, and then a golden age. Husserl saw the decline of reason as the root cause of the European crisis in Revolutionary Russia in 1917. It was as if a numbness had struck the supporters of power, for they were fascinated by an unknown force since the February disaster. There was a "numb calm" (Heidegger). The personality disappears, the mind disappears, and society becomes simply a mass. After the abdication of the emperor who lived "the narrow realities of the present" (Schopenhauer) and who lost the ability to reason and assess the consequences of events, the elite sections of the Russian army were sworn in by the French ambassadors "whose names they did not even know". It is understandable that the mind fell asleep not only of those in power, but also among its opponents. Then came the "great dope" (Bunin). Lenin, who was called a German spy and would arrive in a sealed car driven through a hostile Germany, would speak of the need for a civil war to the masses zombified by Bolshevik propaganda, and would be enthusiastically received.

Keywords: mind, revolution, dream, monsters, Lenin, emperor, October Revolution

References

- Aldanov M. (1999) *Kartiny Oktjabr'skoj revoljutsii. Istoricheskie portrety. Portrety sovremennikov. Zagadka Tolstogo* [Pictures of the October Revolution. Historical Portraits. Portraits of the Contemporaries. The Riddle of Tolstoy], Saint Petersburg: RHGI.

- Berdyayev N. (1991) *Samopoznanie: opyt filosofskoj avtobiografii* [Self-Knowledge: An Attempt of Philosophical Autobiography], Moscow: Book.
- Bunin I. (1997) *Velikij durman* [The Great Durman], Moscow: Sovershenno sekretno.
- Canetti E. (1997) *Massa i vlast'* [Crowds and Power], Moscow: Ad Marginem.
- Ern V. (1991) *Sochinenija* [Works], Moscow: Pravda.
- Frank S. (2001) *Neprochitannoe* [The Unread], Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovany.
- Heidegger M. (1993) *Vremja i bytie* [Time and Being], Moscow: Respublika.
- Herzen A. (1960) *Sobranie sochinenij. T. 22(1)* [Collected Works, Vol. 22(1)], Moscow: Akadimia nauk.
- Husserl E. (1986) *Krisis evropejskogo chelovechestva i filosofija* [The Crisis of European Humanity and Philosophy]. *Voprosy filosofii*, no 3, pp. 101–116.
- Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Goal of History], Moscow: Politizdat.
- Kantor V. (2010) *Sudit' Bozhju tvar': prorochskij pafos Dostoevskogo* [To Judge the Creature of God: Dostoevsky's Prophetic Pathos], Moscow: ROSSPEN.
- Koestler A. (1952) *Arrow in the Blue: An Autobiography*, New York: Macmillan.
- Le Bon G. (2016) *Psihologija narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Masses], Moscow: Akademichisky proekt.
- Machiavelli N. (2002) *Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livia. Gosudar'* [The Discourses on the First Ten Books of Titus Livy. The Prince], Moscow: ROSSPEN.
- Menshikov M. (1997) *Krasivyy cinizm* [The Beautiful Cynicism]. *Maxim Gorky: pro et contra* [Maxim Gorky: Pro and Contra] (ed. Y. Zobnin), Saint Petersburg: RHGI, pp. 430–460.
- Merezhkovsky D. (2001) *Tsarstvo Antikhrista* [The Antichrist Kingdom], Saint Petersburg: RHGI.
- Paleolog M. (1923) *Tsarskaja Rossija nakanune revoljutsii* [Czarist Russia on the Eve of the Revolution.], Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Plekhanov G. (2017) *O tezisakh Lenina i o tom, pochemu bred byvaet podchas interesen* [On the Theses of Lenin and on why Drivel is sometimes Interesting]. *Revoljutsija 1917 goda glazami ejo rukovoditelej* [The Revolution of 1917 through the Eyes of Its Leaders] (ed. D. Anin), Moscow: Centrpoligraf, pp. 104–114.
- Poe E. A. (1959) *Izbrannoje* [Selected Works], Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Rozanov V. (1990) *Opavshie listja. Korob vtoroj* [Fallen Leaves. The Second Box]. *Sochinenija. T. 2* [Works, Vol. 2], Moscow: Pravda, pp. 421–629.
- Rozanov V. (2000) *Apokalipsis nashego vremeni* [The Apocalypse of Our Time], Moscow: Respublika.
- Schopenhauer A. (1992) *Mir kak volja i predstavlenie* [The World as Will and Representation], Moscow: Moskovsky klub.
- Schopenhauer A. (1992) *Aforizmy zHITEjskoj mudrosti* [Aphorisms on the Wisdom of Life]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Prosveshhenie, pp. 189–370.
- Stepun F. (1934) *Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution*, Bern: Gotthelf.
- Stepun F. (2000) *Mysli o Rossii* [Thoughts on Russia]. *Sochinenija* [Works], Moscow: ROSSPEN.
- Stepun F. (2000) *Byvshee i nesbyvsheesja* [Fulfilled and Unfulfilled], Saint Petersburg: Aleteia.
- Tillich P. (2008) *Das Dämonische: Ein Beitrag zur Sinndeutung der Geschichte (1926). Ausgewählte Texte*, Berlin: Walter de Gruyter, pp. 139–163.
- Tolstoy L. (1985) *Iz dnevnika 29 okt. 19000* [From the Diary: December 29, 1990]. *Sobranie sochinenij. T. 22* [Collected Works, Vol. 22], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 109–129
- Trubetskoy E. (1994) *Smysl zhizni* [The Meaning of Life], Moscow: Respublika.
- Windelband W. (2011) *Preljudii* [Preludes], Moscow: Giperboreya, Kuchkovo pole.
- Wittgenstein L. (2008) *Logiko-filosofskij traktat* [Logico-Philosophical Treatise], Moscow: Kanon.
- Zherebin A. (2011) *Vertikalnaja linija: venskij modern v smyslovom prostranstve russskoj kul'tury* [The Vertical Line: The Viennese Modern in the Semantic Space of Russian Culture], Saint Petersburg: Novikov.